

Литературоведческая Славистика и Центральная Европа

Slavonic Studies and Central Europe

Ivo POSPÍŠIL

Masarykova univerzita, Brno
ivo.pospisil@phil.muni.cz

РЕЗЮМЕ

Автор настоящей статьи исследует проблематику славистики в общем и русистическую в особенности с разных точек зрения. Акцентируются внешние условия ее развития, связанные с давлением социальных наук и их методологии на внутреннее строение филологических наук. В этом смысле подчеркиваются контекст Центральной Европы, обновление социологии и социологических подходов и связь со славистикой и компаративистикой.

Поспишил, И. (2003): "Литературоведческая Славистика и Центральная Европа", *Eslav. Complut.*, 3: 5-27

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Славистика
Русистика
Компаративистика
Средне
европейский
контекст

RESUMEN

El autor analiza los problemas de la eslavística en general, y de la rusística en particular, desde varios puntos de vista. En primer lugar se acentúan sus condiciones de desarrollo ligadas al impacto de las ciencias sociales en su metodología y en la estructura interna de las filologías. En este sentido se subraya el contexto de la Europa Central, el renacer de la sociología y de los enfoques sociológicos y la conexión con los estudios eslavísticos y comparatísticos.

POSPÍŠIL, I. (2003): "La Eslavística literaria y Centroeuropa", *Eslav. Complut.*, 3: 5-27

PALABRAS CLAVE

Eslavística
Rusística
Comparatística
Contexto
centroeuropeo

ABSTRACT

The author of the present study analyses the problems of Slavonic studies in general and of Russian studies in particular from various points of view. At the very beginning the conditions of the development of Slavonic studies linked with the impact of social sciences on their methodology and on the inner structure of philologies are stressed. In this sense the context of Central Europe, the revival of sociology and sociological approaches and the connection with Slavonic and comparative studies are accentuated.

POSPÍŠIL, I. (2003): "Slavonic Studies and Central Europe", *Eslav. Complut.*, 3: 5-27

KEY WORDS

Slavonic and
Russian
Comparative
studies
Central
European
context

SUMARIO 1. Внешняя обстановка. 2. Внутреннее строение. 3. Поиски "нового порядка". 4. Центральная Европа. 5. Компаративистика и славистика. 6. Выводы. 7. Используемая литература.

1. Внешняя обстановка

Современный этап так называемой глобализации изменяет не только структуру науки, но и академического, университетского обучения. Университеты все чаще становятся сервисными организациями, замкнутыми финансовыми единицами, зависящими больше от частных источников, чем от государственного бюджета: конкуренция частных вузов принуждает традиционные университеты к новой деятельности, связанной с приобретением новых финансовых средств; возникают новые связи с государственными институтами, министерствами и т. д. Кажется, что в этом отношении современная Европа пойдет по пути американских университетов. Необходимо, однако, не упускать из виду определенное равновесие между традицией, традиционными средствами методологии и новыми, более радикальными подходами. С этой точки зрения славистика в общем и литературоведческая славистика в особенности как традиционные дисциплины находятся в опасности. Как почти все в этом „новом конце столетия” – включая и славистику – находится на перекрестке – методологическом, тематическом и экзистенциальном. Все чувствуют, что под давлением быстрых технологических изменений и нового образа жизни традиционные филологические дисциплины будут изменяться – напрасно спрашивать да или нет, но только как и когда. Современные гуманитарные науки в общем и филология в особенности вынуждены преодолевать неожиданные препятствия, связанные с обществом информации. Первая проблема состоит в поисках новой методологии, которая иногда связана с давлением социальных наук и с новыми, более агрессивными методологическими сдвигами, которые более непосредственно отражают экономическую и финансовую обстановку, в которой общество очутилось и живет. Все эти процессы находятся в тесной связи с концом холодной войны и железного занавеса, которые изменили и изменяют принципы ареала и дают традиционной филологии больше пространства для нового развития. Филология зачастую выполняла роль сервиса социальных наук, связанных непосредственным образом с политическими элитами. Это было видно и на 12 Международном конгрессе славистов в Кракове (1998), где некоторые слависты заговорили о неизбежном конце

традиционных концепций славистики. Хотя большинство участников критиковало или игнорировало эти голоса, давление социальных наук демонстрировалось, например, в формировании новой дисциплины, так называемой эмигрантологии, так как эмиграция является типичным славянским и, в общем, средне- и восточноевропейским феноменом 20 века. Хотя эмигрантология была принята большинством участников конгресса со скепсисом, нельзя не учитывать деятельность Международного совета по изучению Центральной и Восточной Европы (ICCEES – International Council for Central and East European Studies), который является влиятельным институтом. Его последний конгресс в 2000 году в Тампере (Финляндия) открыл новые возможности сотрудничества разных наук, главным образом социальных и филологических. Можно напомнить о том, что первый конгресс ICCEES после падения железного занавеса состоялся в Великобритании (Harrogate, 1990) и следующий в Варшаве (1995). Следует отметить, что с 60-х годов, когда эта организация возникла на Западе в качестве конкурента Международного комитета славистов (тогда еще под названием International Council for Soviet and East European Studies), стало ясно, что она будет ориентироваться на широкую сферу исследований, включая не только филологию, но, главным образом, социологию, экономику, политологию, историю, этнологию и другие гуманитарные дисциплины, преимущественно социальные науки. Программа каждого конгресса традиционно распределена в панели (panels), в которых выступают председательствующий (chair), панелисты и участники дискуссии (panelists and discussants). Кроме экономики, политики, проблематики национальных меньшинств, прав человека и статистики, наиболее интересными были панели, изучающие постмодернизм и новые веяния в литературах Центральной и Восточной Европы. В конгрессе в Тампере принимало участие свыше 1800 участников, причем только из России приехало свыше 500 человек (там, кроме того, присутствовали делегаты из других стран бывшего СССР, даже из Узбекистана); большое количество русских участвовало как представители других стран (Великобритании, США, Австралии, и т. п.); можно предположить, что всего присутствовало около 800 русских. Вообще все было сосредоточено на России, включая и доклады политических лиц Финляндии. Можно было бы спорить со многими положениями, но это скорее дело политиков, самих россиян и представителей России, чья политика там нередко обсуждалась критически, даже, кажется, агрессивно. В конгрессе, в частности, приняли участие: писатель и председатель Российского ПЕН-клуба Андрей Битов (автор этой статьи опубликовал интервью с Битовым в литературном приложении чешской газеты «Право» – «Салон») и белорусский оппозиционный деятель, писатель Василь Быков, живущий сейчас в Мюнхене. Следующий конгресс в 2005 г. состоится в Германии.

Дискуссии, связанные с кризисом университетов и гуманитарных наук в США в 1996-1997 гг., отразились, в частности, на страницах журналов *Daedalus* (журнал Американской Академии Искусств и Наук) и *Profession* (журнал *Modern Language Association*), а также в словацком международном сборнике *Tracing Literary Postmodernism* (ред. Тибор Жилка, Нитра 1998). Так, статья одного из соавторов М. Холквиста (*Michel Holquist – Profession*) выражает тенденции, стремящиеся возобновить единство компаративистики и филологии ареала. Автор констатирует распад традиционной филологии и социальных наук как следствие холодной войны. В упомянутом сборнике из Нитры профессор англистики и юридических наук Дональд Кэри Фримен (*Donald Cary Freeman*) показывает необходимость возобновления „новой филологии“ на новых основах: оказывается, что резко снизился уровень филологической подготовки, и политические науки зачастую строятся на нулевых знаниях диахронного понимания языка, литературы и культуры в целом: речь идет об угрозе депрофессионализации филологии. Другая опасность, однако, связана с механическим соединением разных научных дисциплин. В этом отношении брненская группа исследователей из области филологии (славистики) и социальных наук образовала Кабинет интегрированной жанровой типологии при Институте славистики в брненском университете, стремясь найти возможности переплетения обеих областей науки. Первым результатом их сотрудничества были тексты *Интегрированная жанровая типология* (1999), вторым проект *Теория ареала – филология*. В основном две ориентации филологии в общем и славистики в особенности, т. е. чисто филологическая, традиционная и политико-социальная, отражаются и в структуре международных организаций – кроме упомянутого ICCEES существует более традиционный, скорее филологический *Международный Комитет Славистов* и его секции, что-то в роде славянского МАПРЯЛА.

Кроме новых общественных условий и внутреннего раздвоения есть еще одно препятствие развития славистики в современном мире, а именно проблема исследовательских поколений, необходимость генерационного сдвига, что связано как с внешним (прежде всего финансовым) так и с внутренним (методологическим и структурным) кризисом славистики в целом и литературоведческой славистики в особенности. Это препятствие преодолевают сейчас как университеты, так и институты отдельных национальных академий наук.

2. Внутреннее строение

Если посмотреть, например, на структуру чешской и словацкой славистики, то можно сразу же заметить, что в сфере литературоведения обнаруживается

ориентация на компаративистику, жанровые и морфологические подходы именно в области русистики. После публикаций до известной поры запрещенных изданий, главным образом связанных с восточнославянской эмиграцией, сейчас появляются работы, содержащие и новые методологические подходы.

Как и все гуманитарные науки, литературоведение очутилось на перекрестке. Можно сомневаться в правильности самого понятия и понимания „литературоведения“, которое попало в славянские языки из немецкой науки (*Literaturwissenschaft*), но до сих пор не всеобщее принято (в англосаксонском мире *literary science* встречается лишь в американской сфере, и то только в виде исключения, до сих пор, как правило, преобладает *literary criticism* или более старомодное понятие *literary scholarship*). Идиллическая картина прогрессивно развивающейся литературоведческой методологии, которая унаследована нами из французского классицизма, философии Гегеля, Маркса и из эволюционизма Дарвина, не подтверждается развитием науки в 20 и в начале 21 веков. Хотя внешне кажется, что биографические, психологические, социологические, психоаналитические методы сменились имманентными, например, формализмом и структурализмом или позже герменевтикой и деконструктивизмом, на самом деле это далеко не так: разные течения, веяния и тенденции переплетаются и в творчестве одного автора, происходят странные регрессы, возвращения; герменевтика, например, восходит к античному миру или, скорее, к более древним этапам истории, о которых нам почти ничего неизвестно, деконструкция зачастую является возвращением к старым подходам и приемам.

Кажется, что самыми плодотворными областями литературоведения в общем и славянского литературоведения в особенности являются жанрология (генеология, теория и история литературных видов, жанров) и выше упомянутая компаративистика (сравнительное литературоведение), о чем свидетельствует число современных изданий и исследовательских центров в Центральной Европе. На территории бывшей Чехословакии это пражско-брненская школа литературной компаративистики, исходящая скорее из традиционного морфологического подхода, пражский Центр компаративистики, методология которого основана на герменевтическом и культурологическом подходах, и международный исследовательский коллектив Д. Дюришина в Словакии, сосредоточивающий свое внимание на международных связях скорее внелитературного порядка, приводящих к обобщениям в рамках понятия „особые межлитературные общности“, „межлитературный центризм“ и в концепции всемирной литературы.

Тем не менее, потеря общественного авторитета науки в общем и гуманитарных наук в особенности обнаруживается и здесь, не только в форме

генерационного кризиса, но и в смысле методологической дисперсии, распада литературоведческой, славистской общности на несколько групп с определенным дискурсом: дисперсия, распад, изоляции и некоммуникативность, методологический эгоизм и эгоцентризм вредят науке и позиции литературоведения в целом.

Следовательно необходимо признать, что всякие декларации о ненормативности и неавторитетности литературоведения не соответствуют реальности. Основной задачей литературоведения и в эпоху постмодернизма остается нормообразование и функция опосредствующего звена между автором и читателем, а также моделирование литературной, культурной атмосферы и художественного вкуса. Зачастую кажется, что современное литературоведение не излагает и не интерпретирует артефакт и его смысл, так как по известному деконструктивистскому тезису смысл артефакта конвенционален, артефакт никакого смысла на самом деле не имеет. Изложение смысла артефакта, следовательно, сейчас не требуется, переплетение эссеистической литературной критики и академической науки повлекло за собой ослабление коммуникативного движения литературоведения как такового. В то время как раньше роль закономерностей и эволюции литературы преувеличивалась, сейчас, напротив, отрицаются поиски закономерностей исследуемого предмета.

Однако ищутся и новые пути, наблюдается возвращение к более прочной системе ценностей, обращение к когда-то бытовавшим в науке, позже исчезнувшим, но сейчас опять возобновляющимся методам.

3. Поиски „нового порядка“

Недавно (1998) была издана книга прешовского русиста **Андрея Антоняка** *Sociokultúrna interpretácia románov M. Šolochova (Tichý Don, Rozoraná celina)* Социокультурная интерпретация романов М. Шолохова («Тихий Дон», «Поднятая целина»). Автор в этом издании, которое стало впоследствии его докторской работой, продемонстрировал, как можно рассматривать два романа М. Шолохова с совершенно иной точки зрения и, одновременно, показал противоречия в самом тексте обоих произведений так, что у читателя могла произойти своего рода реабилитация автора. В последнее время в мире ведутся споры о новом использовании социологических и политологических методов в процессе исследования литературы: это огромная и трудоемкая задача, так как такого рода применения встречаются с препятствиями, которые известны и по опыту прошлого. Речь идет, прежде всего, о механичности и о „служебности“ литературы в их понимании, которая слишком часто была материалом идеологических или политических и идеологических тезисов

(частично см., например, советскую социологическую школу 20-х годов 20 века). Автор, однако, рассматривает эту проблематику с более широкой перспективы и в более современной форме. Свой подход он называет социокультурным, и, следует отметить, достаточно точно: его подход связывает воедино социологическую и культурную точки зрения и затрагивает при этом национальную психологию. Кажется, что нам придется вновь возвратиться к структурам, которые формировали духовный климат литературы и допустить, что столь критикуемая структуралистами теория И. Тэна не является методологическим тупиком. Антоняк это наглядно демонстрирует в разделах, относящихся к природным условиям, которые до определенной степени предопределяли жизнь восточных славян (роковая связь земельных и климатических условий). Очевидно, что указанному автору удалось избежать вульгаризации, столь характерной для некоторых социологических школ 19 и 20 веков: он акцентирует социокультурный базис поэтического мира романов Шолохова. Исследование Антоняка, сосредоточивающееся на социокультурной сфере, открывается, таким образом, новому спектру проблем, каковыми являются, например, русская культура и политическая власть и, прежде всего, эволюционная парадигма русской литературы 20 века. Из этой парадигмы не исключается ни одно течение, ни одно веяние.

В последнее время в современном чешском литературоведении обнаруживаются попытки заново сформулировать задачи социологического метода, в частности, в статье Алеша Гамана, который продолжает идеи Яна Мукаржовского о переходных, или же транзитных, зонах между эстетической нормой и внеэстетическими нормами, демонстрируя, таким образом, что современное коммуникативное понимание литературы может представлять собой путь в духе старой социологии литературы, но, одновременно, образующий своего рода мост, способный преодолеть сегодняшнюю атомизацию и субъективизацию.

Стремление к «новому порядку» следует после хаотичности и амбивалентности постмодернизма. Иначе говоря: методологическая дисперсия, разбросанность, которые когда-то стали только орудием внедрения «нового порядка», сегодня уже бесполезны, даже неудобны. Кажется, что новое тяготение к социологии литературы характерно для каждой стадии укрепляющегося нового общественного порядка более авторитетного типа (см. отрицающий русский формализм и утверждающая советская социологическая школа), что само по себе свидетельствует о полезности социологических подходов.

Другой прешовский русист **В. Купко** исходит из русской альтернативной литературы андерграунда в смысле отказа от публичной презентации, обычной в пору Е. Евтушенко и А. Вознесенского. Свое изложение он

начинает у так называемой Карты поэзии, результата работы Лаборатории социокультурной динамики (1991): здесь исторически показывается иерархическая структура русской параллельной культуры, разноаспектные отношения между отдельными писателями и их произведениями. Карта, которую Купко перепечатал в своем издании, свидетельствует о состоянии 1990 года, когда начали массово издаваться сборники и книги Д. Пригова, Г. Айги, Виктора Ерофеева и др. Обнаруживается здесь и группа концептуалистов (Айзенберг, Пригов, Кибиров, Сорокин), метафористов (Кедров, Парщиков), известная лязоновская школа (напр., Холин, Вс. Некрасов), клуб Поэзия (Шатуновский) и др. Своего рода вершиной является группа экспериментаторов, в частности, О. Дарк, В. Сорокин, В. Нарбикова, Е. Попов, Ю. Мамлеев, Е. Харитонов и др. Для параллельной культуры в целом характерно недоверие к возможностям литературы, как их понимала русская литературная традиция и классика: литература имеет смысл лишь сама по себе и сама в себе, она не способна выполнять другие задачи (т. е. общественные, политические, нравственные, философские и др.), ее смысл заключается в вечном движении, беспокойстве, неуверенности, в вечном экспериментировании, в чем, разумеется, восходит больше к Гоголю, чем ко Льву Толстому. Красота не спасет мир, литературе придется избавиться от гуманизма 19 века, предметом литературы является поэзия хаоса, беспорядка, продолжающая соответствующие эстетические или скорее антиэстетические тенденции начала 20 века. Новая альтернативная литература возникает как отрицание идеалистического гуманизма русской классики и его вариантов 20 века, которые привели к человеческим трагедиям. В этом литература чувствует свою вину, как и некоторые философы начала 21 века, стремящиеся скорее к интимным кругам, к приватной философии (философия ежедневности), или как сторонники микроистории или метаистории. Это признак уничтожающей самокритики: предметом литературы парадоксально становится ее унижение и уничтожение, что связано с устранением всяческой иерархизации и порядка.

Современная стадия развития литературы в России не представляет собой совсем новое явление: социология литературы помогает понять, что она возникает при подобных общественных условиях, как адекватные течения и веяния, скажем, в конце 19 и в начале 20 веков. Традиция в русском постмодернизме очень сильна и не только в смысле иронизации или пародии, металитературы. Новая литература демонстрирует свое отрицание прошлого, но сама продолжает поэтологическую традицию предромантических структур, в особенности сентиментализма, в общем технологизма 18 века (к нему, однако, возвращались и Лев Толстой и модернисты). Именно социокультурный подход сможет показать, откуда вырастает эта новая литература, чем она социологически питается.

4. Центральная Европа

Литературоведы сейчас больше не образуют единое спорящее целое, а представляют изолированные группы разных дискурсов – в мире всяческих союзов и интеграций происходит абсурдная изоляция и образование замкнутых коммуникативных общностей. Это расхождение, дисперсия, рассеивание, разложение, распад являются существенным признаком современного литературоведения и, кажется, не только его. Образующиеся группы, в том числе восточноевропейская, южноевропейская, западноевропейская, скандинавская и т. д., подчеркивают мозаику дезинтеграции. В этом смысле свою интегрирующую роль вновь имеет известное понятие „Mitteleuropa“, Средняя (Центральная) Европа. Это понятие важно не только для политологии, экономических наук, но и для культурологии, лингвистики и литературоведения. Именно из таких предпосылок исходит проект Брно – Вена, над которым сейчас работает группа исследователей с точки зрения филологических наук, хотя стало очевидным, что с тематикой Центральной Европы связана огромная работа и исследовательские усилия ряда научных центров в Австрии, Польше, Чешской и Словацкой Республиках и т. д. (см. исследуемую литературу). Специфика региона исходит из существования Австро-Венгерской монархии, но территорией этого государства пространство Центральной Европы не исчерпывается. Известно, что к нему традиционно относятся не только Бавария, Саксония, но и северная Италия: принадлежность к Средней Европе ощущается и в Румынии, на Украине и в Беларуси. Можно, следовательно, прийти к выводу, что феномен Центральной Европы выступает скорее как какое-то духовное качество, чем конкретно-политическое пространство. В межвоенный период, т. е. в 20-30-е годы, частью Центральной Европы стала и многочисленная восточнославянская эмиграция – научная, писательская и, в целом, интеллектуальная, которая сильно повлияла на характер научной жизни в этом пространстве. Можно лишь напомнить о Романе Якобсоне, Николае Трубецком, Николае Дурново, Сергии Вилинском, Евгении Ляцком и других. Кроме того, именно в эту пору Центральная Европа стала пространством новых веяний, движений, идей и людей: в межвоенной Чехословакии жили известные словенцы (филолог Матия Мурко, архитектор Плечник), русские, украинцы, белорусы, поляки. Это была совершенно новая обстановка как для развития литературоведения в целом, так и славянского литературоведения в частности.

Предпосылкой для поисков нового литературоведения является существование плоскости, которая, с одной стороны, давала бы достаток креативных импульсов и, с другой, была прочно связана с традицией. Именно славистика, точнее филологическая славистика, могла бы стать динамическим целым, свя-

зывающим воедино весь лингвистический и литературоведческий дискурсы: достаточно хотя бы напомнить, сколько импульсов общего характера представила славистика в межвоенный период лингвистике и литературоведению в целом: многие нашумевшие тогда теории исходили из славянского материала (Ф. Воллман, Р. Якобсон, Р. Уэллек). Ведь известно, что именно материал оказывает существенное влияние на теории и концепции, которые из него исходят, что они взаимно связаны, образуя неразрывное единство. В настоящее время, когда преувеличивается роль германистики, англистики, американистики и романистики, следует об этих фактах говорить как можно чаще и громче: ведь среди славянского материала именно русский был несомненно доминантным. Именно мультикультурная Центральная Европа, соединяющая славянский, германский, угрофинский, частично романский ареал с фоном в тюркской области, обращенная на юг в средиземноморскую сферу, на западе к Германии и Франции, на востоке, посредством восточных славян, к Азии, является выгодной коммуникативной плоскостью, которая может оживить филологическую тематику и методологию и наметить новые пути развития научных дисциплин, которые сейчас, кажется, очутились в тупике.

5. Компаративистика и славистика

Несмотря на то, что компаративистика и славистика представляют собой две самостоятельные сферы научной деятельности, их развитие было – именно на территории Центральной Европы – неразрывным. Хотя развитие компаративистики нельзя связывать только со славистикой, неоспоримым является тот факт, что именно со славистикой связано развитие ее методологии. Давление социальных наук, о котором говорилось вначале, обнаруживается здесь в форме транзитной, т. е. переходной, зоны взаимно переплетающихся социальных наук и филологии. Они нужны друг другу, так как нельзя представить себе, что, например, политология, анализирующая конкретный геополитический ареал, могла бы обойтись без знания языка, литературы и культуры в их синхронном и диахронном срезе. С другой стороны, трудно вообразить нулевые геополитические знания филолога, не говоря о том, что история и политика являются своего рода литературой, передающей определенный сюжет. Об этом хорошо знали в древности и сейчас этот подход возобновляется в концепциях метаистории, микроистории и языкового анализа философского и историографического дискурсов. Необходимость нового построения теории ареала как интегрированного пространства, связывающего воедино филологию и социальные науки, стала сейчас очевидной. Эту теорию ареала следует понимать как процессуальный и процессуально формирующийся, многоаспектный поиск, как мультидисциплинарный, интердисциплинарный и трансдисциплинарный феномен.

С одной стороны, славистика в Центральной Европе связана с внешними силами, с другой, она связана с внутренними сдвигами. Все это зависит не только от методологий, но и от политического развития региона и его институций. Ключевым является отношение славистики, русистики и отечественных филологий. В этом до сих пор в посткоммунистических странах огромные расхождения и неясности. Кажется, будто бы это три независимые дисциплины, хотя очевидно, что они образуют одно целое; долгое время они выступали слишком изолированно, не пользуясь в достаточной мере общими местами и общим фоном, на котором лучше видны и яркие отличия. В этом отношении следует упомянуть концепцию славистики, как она образовалась в Чехословацкой Республике на модели Славянского института в Праге и его связями со Школой славистики (School of Slavonic Studies) Лондонского университета: по этой модели формировалась славистика в Германии, служащая сейчас моделью возобновления концепции славистики в Центральной Европе. Все, однако, зависит от местных условий, традиций и связано с прошлым развитием, а также с внутренней обстановкой университетов и других исследовательских центров.

6. Выводы

Современная славистика не стоит в центре внимания гуманитарных наук, ее политическое и общественное значение утратилось в связи с существенными изменениями на политической карте мира. Следовательно, очень важно, как будут развиваться славянские страны и какую роль они будут играть в современной интегрирующейся Европе. Слабость их экономики, политики и морали, слабость нации и языка повлечет за собой и новое ослабление дисциплин славистики, хотя не сразу очевидное.

Необходимостью станет оживление славистики, опирающееся на ее традиции, прежде всего межвоенного периода 20-30-х годов, но, одновременно, изменение ее структуры и внешних связей и укрепление отношений с социальными науками, причем, однако, нельзя утрачивать ее методологическую автономность.

Следует заняться новыми темами, связать деятельность славистов больше с государственными, общественными органами, отвечать на вопросы, которые ставит общество, уделять больше внимания социальному спросу, финансово обеспечить публикации по славистике, сборники, журналы и регулярные издания.

Именно в Центральной Европе можно продолжить традиции и специфику региона, который по своему характеру предвосхитил веяния века, в том числе мультикультурализм. Смешанный характер региона с доминирующим славянским элементом и славистикой может в этом сыграть решающую роль.

Kromě aktuálních задач, обусловленных сдвигами лексики, новой литературой и культурой, необходимо заняться методологией и терминологией. Именно последняя долгие годы находится в стороне от магистральных путей развития лингвистики и литературоведения, хотя очевидно ее коренное значение. С этой задачей связана и лексикографическая работа (в Чешской Республике издали Словарь русских, украинских и белорусских писателей, в Словакии сейчас готовится к печати похожий словарь); разработан проект литературоведческой терминологии на сравнительной европейской основе, но это только скромное начало.

Необходимо, следовательно, связать воедино традиции славистики, ее новые темы с интеграцией новых методологий, с внутренней динамикой или же перестройкой ее составных частей, с ее новой ориентацией и с новыми ценностями. Без этого нельзя выйти из современного положения на перекрестке.

7. Используемая литература

- (1973): *Komparatistika a genológia*, Bratislava.
- (1978): *Theories of Literary Genres*, University Park and London.
- (1996¹): *Kontext – překlad – hranice. Studie z komparatistiky*, Praha.
- (1996²): *Literatura a heterogeniczność kultury. Poetyka i obraz świata*, Wydawnictwo TRIO, Warszawa.
- (1996³): *Litteraria Humanitas IV. Roman Jakobson*, Masarykova univerzita, Brno.
- (1996⁴): *Profession*, The Modern Language Association of America.
- (1997): *Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*, Fall.
- (1998¹): *K úloze Slovanů v historii a současnosti*, Česká koordinační rada Společnosti přátel národů východu, Praha.
- (1998²): *Litteraria Humanitas VI. Alexandr Veselovskij a dnešek*, Masarykova univerzita, Brno.
- (2000¹): *Bilance a výhledy středu Evropy na prahu 21. století*, Konvoj, Brno.
- (2000²): *Central Europe. Core or Periphery?*, Copenhagen Business School Press, København.
- ANTOŇÁK, A. (1998): *Sociokultúrna interpretácia románov M. Šolochova (Tichý Don, Rozoraná celina)*, MANOCON, Prešov.
- BALÍK, S., HOLZER, J. (eds.) (2000): *Komunistické strany v postsovětských stranicko-politických soustavách*, Masarykova univerzita, Brno.
- BARTSCH, S. (1995): *Minderheitenschutz in der internationalen Politik*, Opladen.
- BÁTONYI, G. (1999): *Britain and Central Europe 1918-1933*, Oxford.
- BÉHAR, P. (1994): *Zentraleuropa im Brennpunkt*, Graz.
- BLUMENWITZ, D. (Hrsg.) (1994): *Aktuelle rechtliche und praktische Fragen der Volksgruppen und Minderheitenschutzrechtes*, Köln.
- BLUMENWITZ, D. (Hrsg.) (1995): *Volksgruppen und Minderheiten: politische Vertretung und Kulturautonomie*, Berlin.

- BLUMENWITZ, D. (1997): *Internationale Schutzmechanismen zu Durchsetzung von Minderheiten und Volksgruppenrechten*, Köln.
- BODEN, M. (1995): *Nationalitäten, Minderheiten und ethnische Konflikte in Europa*, München.
- BURMEISTER, H.P., BOLDT, F., MÉSZÁROS, G. (Hrsg.) (1988): *Mitteleuropa: Traum oder Trauma?*, Bremen.
- BUSEK, E., BIX, E. (1986): *Projekt Mitteleuropa*, Wien.
- COUDENHOVE-KALERGI, R. N. (1923¹): *Krise der Weltanschauung*, Wien.
- COUDENHOVE-KALERGI, R. N. (1923²): *Pan-Europa*, Wien.
- COUDENHOVE-KALERGI, R. N. (1937): *Totaler Staat – totaler Mensch*, Wien.
- COUDENHOVE-KALERGI, R. N. (1938): *Kommen die Vereinigten Staaten von Europa?*, Glarus.
- COUDENHOVE-KALERGI, R. N. (1971): *Weltmacht Europa*, Stuttgart.
- DANČÁK, B., FIALA, P. (eds.) (2000): *Národnostní politika v postkomunistických zemích*, Masarykova univerzita, Brno.
- DANČÁK, B. (ed.) (1999): *Pobaltí v transformaci. Politický vývoj Estonska, Litvy a Lotyšska*, Masarykova univerzita, Brno.
- DOLEŽEL, L. (1995): “Pražská škola a poststrukturalismus”, *Česká literatura*, 1995, 5.
- DON, Y., KARADY, V. (eds.) (1990): *A Social and Economic History of Central European Jewry*, Transaction Publishers, New Brunswick – London.
- DOR, M. (1996): *Mitteleuropa: Mythos oder Wirklichkeit? Aus der Suche nach der grösseren Heimat*, Salzburg – Wien.
- DOROVSKÝ, I. (1993): *Balkánské meziliterární společenství*, Brno.
- DOROVSKÝ, I. (1997): *Balkán a Mediterán. Literárně historické a teoretické studie*, Brno.
- ŽURIŠIN, D. et al. (1987-1993): *Osobitné medziliterárne spoločenstvá, I-VI*, Bratislava.
- ŽURIŠIN, D. (1993): *Čo je svetová literatúra?*, Bratislava.
- FROMMELT, R. (1977): *Panuropa oder Mitteleuropa. Einigungsbestrebungen im Kalkül deutscher Wirtschaft und Politik 1925-1933*, Stuttgart.
- GILLESPIE, D. (1996): *The Twentieth-Century Russian Novel. An Introduction*, Oxford – Washington D. C.
- GÜRGE, W. (1929): *Panuropa und Mitteleuropa*, Berlin.
- HAMAN, A. (2000): “Historie literatury a sociologie”, *SBFFBU*, V 2.
- HANTOS, E. (1925¹): *Das Geldproblem in Mitteleuropa*, Jena.
- HANTOS, E. (1925²): *Die Handelspolitik in Mitteleuropa*, Jena.
- HANTOS, E. (1926): *Die Kulturpolitik in Mitteleuropa*, Stuttgart.
- HANTOS, E. (1928): *Das Donauprobem*, Wien.
- HANTOS, E. (1929): *Mitteleuropäische Eisenbahnpolitik. Zusammenschluß der Eisenbahnsysteme von Deutschland, Österreich, Ungarn, Tschechoslowakei, Polen, Rumänien und Jugoslawien*, Wien.
- HANTOS, E. (1931¹): *Das mitteleuropäische Agrarproblem und seine Lösung*, Berlin.
- HANTOS, E. (1931²): *Mitteleuropäische Kartelle im Dienste des industriellen Zusammenschlusses*, Berlin.
- HANTOS, E. (1932¹): *L'Europe centrale. Une nouvelle organisation économique*, Paris.

- HANTOS, E. (1932²): *Mitteleuropäische Wasserstraßenpolitik*, Berlin.
- HERNADI, P. (1972): *Beyond Genre. New Directions in Literary Classification*, Ithaca, London.
- HODROVÁ, D. (1994): "Román ve 20. století – jeho teorie a praxe", *Česká literatura*, 1994, 3, c. 227-254.
- HODŽA, M. (1997): *Federácia v strednej Európe a iné štúdie*, Bratislava.
- HÖSCH, E., SEEWANN, G. (Hrsg.) (1991): *Aspekte ethnischer Identität: Ergebnisse des Forschungsprojekts Deutsche und Magyaren als Nationale Minderheiten im Donauraum*, München.
- HOUSKOVÁ, A., HRBATA, Z. (red.) (sine): *Román a „genius loci“: Regionalismus jako pojetí světa v evropské a americké literatuře*, Praha.
- HUBÍK, S. (1994): *K postmodernismu obratem k jazyku*, Boskovice.
- HVIŠČ, J. (1979): *Problémy literárnej genológie*, Bratislava.
- INGARDEN, R. (1989): *Umělecké dílo literární*, Praha.
- JAHN, E. (1988): "Bibliographie zur Mitteleuropa Diskussion", *Beilage. Zeitschrift für Politik und Kultur im Mittel- und Osteuropa*, 21, Nov. 1988.
- KLIMOWICZ, T. (1994): *Obywatele Arkadii. Losy pisarzy rosyjskich po roku 1917*, Wrocław.
- KOZIELECKI, J. (1997): *Transgresja i kultura*, Warszawa.
- KOZIELECKI, J. (red.) (1999): *Humanistyka przelomu wieków*, Wydawnictwo Akademickie "Żak", Warszawa, 1999.
- KREBS, H. (1931): *Panuropa oder Mitteleuropa*, München.
- KŠICOVÁ, D. (ed.) (1997): *Východoslovanské literatury v českém prostředí do vzniku ČSR*, Brno.
- KÜHL, J. (1958): *Federationsphäre im Donauraum und in Ostmitteleuropa*, München.
- KUPKO, V. (2000): *Новая проза как социокультурный феномен*, Prešovská univerzita, Prešov.
- KVAPIL, M. (1996): *Bohemo-Serbica, Bohemo-Croatica*, Praha.
- KVAPIL, M. (1998): *Serbica. Litterarum memoria*, Praha.
- ЛОТМАН, Ю. (1970): *Структура художественного текста*, Москва.
- LYOTARD, J. F. (1993): *O postmodernismu*, Praha.
- MARGOLIN, U. (1974): "On Three Types of Deductive Models in Genre Theory", *Zagadnienia rodzajów literackich*, 1974, z. 1, c. 5-19.
- MATHAUSER, Z. (1982): *Literatúra a anticipácia*, Bratislava.
- MATHAUSER, Z. (1988): *Metodologické meditace aneb Tajemství symbolu*, Brno.
- MATHAUSER, Z. (1990): "Triáda uměleckých druhů", in *Litteraria Humanitas I. Genologické studie*, Brno, c. 10-18.
- MATHAUSER, Z. (1994): *Estetické alternativy. Jazyk vědy a jazyk poezie*, Praha.
- MATHAUSER, Z. (1995): *Mezi filosofií a poezií*, Praha.
- MATHAUSEROVÁ, S. (1986): *Cestami staletí. Systémové vztahy v dějinách ruské literatury*, Praha.
- MEYER, H. C. (1955): *Mitteleuropa in German Thought and Action 1815-1945*, The Hague.
- MEYER, H. C. (1996): *Drang nach Osten. Fortunes of a Slogan-Concept in German-Slavic Relations, 1849-1990*, Frankfurt am Main – New York – Paris – Wien.

- MIKULÁŠEK, M. (red.) (1998): *Litteraria Humanitas V. Západ a Východ II. Tradice a současnost (Literární směry a žánry ve slovanských a západních literaturách jako reflexe stavu světa)*, Masarykova univerzita, Brno.
- NAUMANN, F. (1915): *Mitteleuropa*, Berlin.
- PORTER, R. (1994): *Russia's Alternative Prose*, Berg, Oxford – Providence.
- POSPÍŠIL, I. (1993¹): *Rozpětí žánru*, Brno.
- POSPÍŠIL, I. (1993²): “Sedmero úskalí a inspirací”, *Slovenská literatúra*, 1993, 4, c. 292-295.
- POSPÍŠIL, I. (1993³): “„Stará“ a „nová“ komparatistika: pragmatismus a ruský maximalismus u Karla Čapka”, *Opera Slavica*, 1993, 1, c. 16-24.
- POSPÍŠIL, I. (1993⁴): “Utopičnost a hlubinnost literární vědy (Meditace in margine projektu Dionýze Ďurišina)”, *Opera Slavica*, 1993, 1, c. 44-47.
- POSPÍŠIL, I. (1996): “The Crisis of Tradition in Russian Literature and the Postmodernist Atmosphere”, in JANASZEK-IVANIČKOVÁ, H., FOKKEMA, D. (eds.), *Postmodernism in Literature and Culture of Central and Eastern Europe*, Śląsk, Katowice, c. 123-130.
- POSPÍŠIL, I. (1997¹): “Paradoxy ruské románové tradice”, *Alternativa Nova*, 1997, č. 7, březen, c. 350-355.
- POSPÍŠIL, I. (1997²): “Средняя Европа как перекресток литературоведческой методологии”, in *Взаимодействия литератур в мировом литературном процессе (Проблемы теоретической и исторической поэтики)*, 1, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, c. 3-10.
- POSPÍŠIL, I. (1998¹): *Genologie a proměny literatury*, Brno.
- POSPÍŠIL, I. (1998²): “Krise univerzit a literární vědy na sklonku tisíciletí a slavistika”, in *Slavica Pragensia ad tempora nostra*, Univerzita Karlova, Praha, c. 267-271.
- POSPÍŠIL, I. (1998³): “Literární věda na rozcestí. Hrst poznámek k minulosti, přítomnosti a budoucnosti”, *HOST*, 1998/2, c. 79-83.
- POSPÍŠIL, I. (1998⁴): *Ruský román. Nástin utváření žánru do konce 19. století*, Brno.
- POSPÍŠIL, I. (1998⁵): “Slovenský literárněvědný trojúhelník: komparatistika – genologie – translologie”. In: POSPÍŠIL, I. (ed.), *Brněnská slovakistika a česko-slovenské vztahy*, Masarykova univerzita, Brno, c. 45-58.
- POSPÍŠIL, I. (1999¹): “Paradoxes of Genre Evolution: the 19th-Century Russian Novel”, *Zagadnienia rodzajów literackich*, XLII, 1-2 (83-84), Łódź, c. 25-47.
- POSPÍŠIL, I. (ed.) (1999²): *Integrovaná žánrová typologie (Komparativní genologie). Projekt – metodologie – terminologie – struktura oboru – studie*, Masarykova univerzita, Brno.
- POSPÍŠIL, I. et al. (1999): *Světové literatury 20. století v kostce*, Praha.
- POSPÍŠIL, I. (2000¹): “Il centrismo interletterario mediterraneo e la letteratura russa”, in ĎURIŠIN, D., GNISCI, A. (eds.), *Il Mediterraneo. Una rete interletteraria. La Méditerranée. Un réseau interlittéraire. Stredomorie. Medziliterárna sieť*, Università degli studi di Roma “La Sapienza”, Bulzoni Editore, Roma, c. 101-109.
- POSPÍŠIL, I. (2000²): “Razance a citlivost: K fenoménu Střední Evropy v meziválečném období (tři vybraná vota separata k brněnské habilitaci Romana Jakobsona)”, in *Slovensko-české vztahy a súvislosti*, Univerzita Komenského v Bratislave – Masarykova

- Univerzita v Brne, Slovenská rada Združenia slovanskej vzájomnosti – Česká koordinačná rada Spoločnosti priateľov s národmi východu, Bratislava, c. 49-60.
- POSPÍŠIL, I. (2000³): “The Danger of Loneliness: the New Splendid Isolation”, in IBLER, R. (Hrsg.): *Von der sozialistischen zu einer marktorientierten Kultur?*, Ergon Verlag, Würzburg, c. 83-96.
- POSPÍŠIL, I. (2000⁴): “The Hidden Kernel of Paradox: the Chronicles of Anthony Trollope and Nikolai Leskov”, *Germanoslavica*, VII (XII), 1, c. 35-40.
- POSPÍŠIL, I. (2001): “Významy a smysl (literárněvědné) slavistiky (Příspěvek do diskuse)”, *Slavica Litteraria*, X, 4, c. 87-94.
- POSPÍŠIL, I. (ed.) (2002¹): *Areál – sociální vědy – filologie*, Brno.
- POSPÍŠIL, I. (ed.) (2002²): *Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures – Kreuzwege der Kulturen – Перекрестки культур – Křižovatky kultur*, Masarykova univerzita, Brno.
- POSPÍŠIL, I., ŠTĚPÁN, L. (red.) (2000¹): *Litteraria Humanitas VIII. Komparatistika – Genologie – Translatologie. Krystyna Kardyni–Pelikánová*, Masarykova univerzita, Brno.
- POSPÍŠIL, I., ŠTĚPÁN, L. (red.) (2000²): *Litteraria Humanitas IX. Cesta k duši díla: Miroslav Mikulášek*, Masarykova univerzita, Brno, 2001.
- POSPÍŠIL, I., ZELENKA, M. (1996¹): “Pojem a koncepce světové literatury”, SPFFBU, roč. 1995, D 42, řada literárněvědná, Brno, c. 103-112.
- POSPÍŠIL, I., ZELENKA, M. (1996²): *René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky*, Brno.
- POSPÍŠIL, I., ZELENKA, M. (eds.) (1999¹): *Jihoslovanské literatury v českém prostředí*, Brno, 1999.
- POSPÍŠIL, I., ZELENKA, M. (1999²): “Problémy literární vědy na XII. mezinárodním kongresu slavistů”, *Slavia*, 1999, č. 1, 68, c. 184-188.
- ROSENBERG, H. (1967): *Grosse Depression und Bismarckzeit. Wirtschaftsablauf, Gesellschaft und Politik in Mitteleuropa*, Berlin.
- RUMPLER, H. (1997): *Eine Chance für Mitteleuropa*, Wien.
- SÖTÉR, I. (1973): *The Dilemma of Literary Science*, Budapest.
- SVATOŇ, V. (1993): *Epické zdroje románu. Z teorie a typologie ruské prózy*, Praha.
- SVATOŇ, V., HODROVÁ, D. (1980): “Literatura a problém tvůrčího subjektu”, in BACHTIN, M.: *Román jako dialog*, Praha.
- TIEGHEM, P. van: “La Question des genres littéraires”, *Helicon*, tome 1, fasc. 1-3, c. 99-105.
- WELLEK, R. (1936): “The Theory of Literary History”, *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, Praha.
- WELLEK, R. (1955-1992): *A History of Modern Criticism 1750-1950*, I-VIII, New Haven – London.
- WELLEK, R. (1959): “The Crisis of Comparative Literature”, in FRIEDRICH, W. P. (ed.), *Proceedings of the Second International Congress of Comparative Literature*, Chapel Hill, c. 149-159.
- WELLEK, R. (1963): *Concepts of Criticism*, New Haven – London.
- WELLEK, R. (1969): *The Literary Theory and Aesthetics of the Prague School*, Ann Arbor.
- WELLEK, R., WARREN, A. (1996): *Teorie literatury*, Olomouc.

WELSCH, W. (1993): *Naše postmoderní moderna*, Praha.

WOLLMAN, F. (1948): *Duch a celistvost slovanské slovesnosti*, Praha.

WOLLMAN, S. (1988): *Porovnávací metóda v literárnej vede*, Bratislava.

WOLLMAN, S. (1989): *Česká škola literární komparistiky*, Praha.

ŽILKA, T. (ed.) (1998): *Tracing Literary Postmodernism*, University of Constantine the Philosopher, Nitra.